

Эпизод \\[100й]///
**ПРИБОРНЫЙ ПОЛЁТ.
ИНСПЕКТОР**

- >> Контрольный полёт в зону по приборам под штокой
- >> Наши школьные шалости
- >> Бой на вертикалях со спутником-шпионом
- >> Первые мои иллюзии в полёте
- >> Полковник Каменский
- >> Самолюбование
- >> Курсант Саня Котиевский по прозвищу «Кот»
- >> Образование, образованность, дураки – в афоризмах и диалогах из кино

12 июля 1972 г. (среда)

— *Что плавильня – для серебра, горнило – для золота, то для человека уста, которые хвалят его.* Царь СОЛОМОН

<<••>> □□□□□□ — *Это было...*

□□□□□□□□ — *Я знаю, божественно.*

Из худ. к/ф-ма «Брюс всемогущий»

Наконец, прояснилось. И сегодня выехали на аэродром и пытаемся летать. Грунт на аэродроме не очень сухой, поэтому всем дано распоряжение рулить по центру, чтобы выдуть не всю рулётку. Летаем сложный вариант – контрольные с инструкторами по приборам в облаках и за облаками (под шторкой).

Я слетал с Батей два полёта: один – в зону по приборам. А потом ещё один – отработка захода на посадку по системе с прямой.

На земле пасмурно, очень хмуро. А когда в первом полёте над точкой по спирали набирали высоту и на 2400 вырвались из перины облаков, в глаза плеснуло яркое

солнце! Валерий Иванович сразу прикрыл меня шторкой:

— Давай, лети по приборам, без [видимости] горизонта!

Ну, без горизонта – значит, без! Так даже лучше – солнышко не слепит!

Заняли зону на 4000 м. И старая песня: начали с виражиков с креном 30° – влево...

А под колпаком – как на тренажёре. Разве что, знаешь, что действительно летишь в настоящей кабине настоящего реактивного Л-29!

...И припомнилось мне, как в третьем классе на уроке арифметики я сидел и мечтал, что вот сейчас героический лётчик рассекает облака и выполняет там, в вышине, крутой вираж... Это я управляю этим реактивным ястребком!.. А под крыльями грозные самонаводящиеся ракеты, чтобы сбивать воздушного противника...

Тут надо мной разверзлись небеса и возмущённый голос заорал:

— У тебя что, совсем ум за разум зашёл? Ты о чём мечтаешь на арифметике?

Разгоняю красивые заоблачные видения, поднимаю глаза. Надо мной стоит грозная училка Стелла Григорьевна.

— Ты что написал? Пятнадцать умножить на три... Сколько должно быть?

— Эээ... Сорок пять...

— А у тебя сколько?.. Кручинин, я, кажется, спрашиваю!

«Зачем спрашивать, если вы сами видите, сколько написано, Стелла Григорьевна!»

— промелькнуло у меня.

Но пришлось отвечать – учительница всё-таки!

— Сорок восемь...

Ну и что, что сорок восемь, а не сорок пять! Ну, ошибся чуток! Подумаешь! Такие картинки своим криком испортила!

Так, Стелла Григорьевна! Всё равно я стану курсантом лётного училища! Не в мечтах, а наяву!

Потом тяжело вздыхаю:

«А для этого надо научиться арифметике и другим предметам... Как это долго!..»

Шкала компаса медленно движется мимо верхнего треугольного индекса.

Подходит курс вывода. Переключаемся в правый вираж. И тоже с креном 30...

...Помню тогда оглянул своих одноклассников.

Интересно, о чём они мечтают на уроках? Вот Боря Мартынов, например. Он мне говорил, что после школы и армии хотел бы работать водителем троллейбуса. Тоже мне, нашёл красивую мечту: «Дмитриевская. Следующая остановка “Южный вокзал”, конечная! Не забывайте оплачивать проезд!» А с другой стороны, ведь кому-то и троллейбусы надо водить, чтобы все могли ездить к поездам... Ладно, пусть будет Борис!..

Витька Браховецкий... Этот с трудом чтение и счёт в первом классе осваивал. Я, к примеру, в школу пришёл и уже бегло читал и считал. Потому что мной занимались дома. А мать Витьки думала, что сыну больше гулять надо, а в школе научат всему, что нужно, автоматом, безо всяких усилий со стороны её чада... Вот и выходило: все уже давно читают Льва Кассиля по Родной речи, быстро считают, уже в столбик умеют, а Браховецкий всё ещё: «м» и «а» – «ма», «м» и «а» – «ма», «ма-ма»; «4+5... это будет... это будет...»

Пока Стелла Григорьевна не вызвала мать Витьки в школу и не устроила ей разнос:

— Вашему сыну надо не гулять после занятий до 11 вечера, а к урокам готовиться,

только Букварь читать по 1,5-2 часа.

После того Браховецкий стал уже подтягиваться по учёбе. Мать он боялся. Когда втянулся, ему понравилось читать книжки, он даже записался в школьную библиотеку. По физкультуре у него всё тип-топ, по шее надавать тем, кто слабее его – это он запросто. А с учёбой... Он и со второго класса самый первый из наших курить стал... Догулялся со старшекласниками...

В те годы из печати вышел очередной сборник рассказов писателя Льва Шейнина¹ «Дебют». В рассказе «Приёмный день» описан арест бандита-рецидивиста по кличке «Король пик». Уголовный розыск брал его «на хазе» спящим. Проснувшись и поняв, что за ним пришли, Король пик воскликнул: «Мурка, я налетел на джокер!.. Банк лопнул. Четыре с боку, ваших нет... Давай мой джентльменский набор для тюряги!..»

Витьке Браховецкому настолько понравилась эта фраза, что он её тут же выучил наизусть и буквально взахлёб всем цитировал по нескольку раз, забывая, кому уже днём раньше пересказывал, а кому нет... Школу он, скорее всего, забросит после 8го класса. Тогда какой ВУЗ с незаконченным средним образованием? Даже не знаю, есть ли у него красивая мечта... Думаю, ему вполне по нраву тюремная романтика...

Стадченко – тоже пришёл в школу, умея бегло читать, быстро соображает в счёте. Отличник. Мы вместе с ним самими первыми все контрольные работы по арифметике учительнице на стол отдавали. Когда ему «четвёрку» ставят, он бросается на свою парту весь в слезах и плачет навзрыд. (Это иногда трогает сердце Стеллы Григорьевны, и она исправляет ему оценку за ответ на «отлично». Витька тут же слёзки свои подбирает и сияет, как пятак. Дома же не узнают, цену такой отличной оценки...) Или команда, в которой он участвует, проигрывает – тоже слёзы в три ручья. (В спорте уж рыдания не помогали, и он на физкультуре демонстрировать учителю, как он переживает поражение своей команды, перестал.) Говорит, что будет врачом. Тут всё понятно: «Скальпель, зажим “кохер”, зажим “пиано”, тампон!»; «Сестра, поставьте больному ведровую клизму!»; «Извините, ваша бабушка померла, я делал всё, что мог! Скорблю вместе с вами! Сейчас пойду в кабинет и буду плакать, вспоминая её... Что вы говорите? Дедушка тоже плохо себя чувствует? Привозите! Я сделаю всё, что смогу!..»

Сашка Гусенко успеваешь везде – и учиться, он и первый из нас с девчонками стал дружбу водить... Помню, слышал, как он Витьку Стадченко на перемене просвещал о том, для чего у мужчины напрягается и твердеет, а у женщины между ног половая щелка, чем родеки занимаются по ночам и отчего на самом деле бывают дети. Стадченко слушал друга с раскрытыми от ужаса глазами. И всё время шептал:

— Не может быть! Не может быть! Мама мне про это ничего не говорила! И папа тоже! Не может быть!..

Сашка, скорее всего, тоже в институт после школы пойдёт, не знаю в какой. Если не случится с ним что-либо. Рисковый он – может с крыши электроподстанции прыгнуть или по карнизу высокого каменного забора пройтись. И зачем это нужно? Гусенко первым у нас и с гипсом на руке пришёл в школу – после падения откуда-то руку сломал. А вот лётчик-истребитель, к примеру, стал бы прыгать с крыши, по верхотуре кирпичной кладки ходить? Я вздохнул: военным лётчиком я буду, а прыгать с подстанции и лазить там, где чёрт голову разобьёт – нет! Пошли вы на фиг!

Или вот Вовка Бусин. Этот успеваешь на «хорошо» и «отлично», качается. Тоже любитель тому, кто поменьше, затрецин надавать по любому поводу. Особенно если паренёк порядочный, как я, например... На физкультуре в начале урока однажды

преподаватель смотрит: у всех ребят нормально, а у Вовки – из треников выпирает писюн под прямым углом в стоячем положении. И девчонки из строя выглядывают, хихикают. Павел Романович (тихо):

— Бусин, ну что это за безобразие?

Ученик развёл руками: мол, а что я могу?

— Ну, хоть поднял бы его к животу, что ль. Девочки смотрят. Надо это прятать...

— А я не хочу прятать! Пусть смотрят!..

(Занятно: на кого он у него вскочил?)

Учитель махнул рукой, а потом заставил Вовку подтягиваться. Чтобы, значит, его мочеполовую систему на нагрузки отвлечь! А у того, от этого и что на него смотрят, ещё больше эрекция! Подтянулся, играючи, тридцать раз, а член так и не опал! Силён зверь!

Я был в первом своём летнем отпуске, случайно встретились с ним в Саду Шевченко. Посидели, поговорили. Он мне не поверил, что учусь на лётчика – ну, правильно, в школе я был щупленьким. Посчитал, что иду по наземному профилю – техник там или специалист командного пункта, хотя в ХВВАУЛ «факультет» только один – лётчик-истребитель. Ну, не веришь – не верь, как-то меня это особо не взволновало. Хотя для интереса можешь встретить курсанта с парашютным значком и спросить у него, есть ли у нас какие-либо наземные «факультеты» или профили. И сразу всё станет ясно: вру я или сказал правду.

Тут мимо нас проходит генерал-лейтенант. Поскольку я был в военной форме, то, естественно, встал и поприветствовал генерала. Вовка посмотрел на меня с хитрецей, а затем спрашивает:

— А вот если он идёт, а я у тебя фуражку с головы сорву и убегу? Что тебе будет?

Посмотрел на него удивлённо: «А зачем меня подставлять, чтобы мне “что-то было”?»

— Да ничего не будет... — пожал я плечами, представляя эту ситуэйшен. — Отдание воинской чести возможно и без головного убора. Просто я встал бы в строевую стойку. Генерал, увидев, как ты убегаешь с моей фуражкой, всё понял бы, наверное...

Вовка, скорее всего, тоже будет ракетчиком, у него отец – полковник, преподаёт в артакадемии. По просьбе учителей приходил к нам в школу, интересно рассказывал о службе.

А девчонки! От чего они могут витать в облаках? Как найти себе принца на белом «Москвиче» или белой-белой «Волге»?..

Любопытно, кто же у каждой из них будет первым? У Тарасенко, например! Красивая, чёрт возьми! Ишь, глазки какие бл*довитые! А ведь где-то сейчас живёт парень, который её распечатает! Может, ему понравится, как она будет отдаваться, и он её замуж возьмёт? Парень же, уложив её под себя, не может знать, что она – настоящая сучка: строит из себя! Дай ей списать! А сама никогда не даёт... Даже погладить себя... И списывать тоже...

Завершаем вираж с креном 30 вправо, перекладываем – крен 45 влево...

...Вон, Сашка Гусенко частенько подкатывал к Тарасенко, вроде как разговаривает. А у самого на носке туфли маленькое зеркальце лежало и он подводил ступню ноги так, чтобы хорошо рассмотреть, всё, что у неё спрятано под юбкой – ножки, трусики, попку, может, ещё что... Пока Тарасенко не проследила за сашкиным взглядом и не налетела на него, как смерч! Вот сучка! Что ей, жалко – дать себя мальчику рассмотреть? Занятно всё-таки: что они такого восхитительного прячут под платьем!

М-да... Школа!..

«А кто-то в данный момент, — думаю я, пилотируя Эл, — сидит за партой и мечтает быть на моём месте и учиться летать!»

В такие секунды я начинаю гордиться сам собой!

И тут такую сладкую мою гордость в клочья рвёт по СПУ ласковый инструкторский голос:

— Что ты там, еб*льником торгуешь?

И моей гордости, как ни бывало!

— Ты о чём думаешь в полёте? Куда крен завалил до 50? Держи 45 градусов! Ты же под шторкой <пилотируешь>, а не сложный пилотаж выполняешь! И высота! Какая должна быть высота?

— 4000.

— А у тебя какая?.. Кручинин, я, кажется, задал вопрос!

«У вас, кажется, тоже в задней кабине высотомер есть, товарищ лейтенант!» — думаю.

Но и здесь, как и тогда, на уроке, пришлось отвечать – «шеф» всё-таки!

— 4100, — бурчу недовольно, одновременно прибирая обороты и переводя Эл на снижение с вертикальной 5-7 м/сек.

Ну и что, что перебрал высоту! Ну, отвлёкся чуток! Подумаешь! А сто метров, между прочим, не выходит за оценку «удовлетворительно» (по нормативам – плюс-минус 135 м)! Такие воспоминания своим замечанием сгубил!

Чччёрт! Кто ещё мечтает быть на моём месте? Хочу за парту в школу!

Эх!.. Ну, куды бедному крестьянину податься? И где они только берутся на наши головы, эти строгие учителя? Как будто сами никогда не учились и не ошибались!..

Нимб курса сделал полный оборот на 360°. Перекладываю в правый вираж с креном 45. Проверяю скорость, высоту, вариометр на нуле... Пилотируем дальше...

Впрочем, нет! В школу не хочу! В третьем классе ещё не знают на практике, что такое секс, обнажённая девочка, кончить в тело самочки («под шкурку») или в жаждущий зев... Или эякуляция между девичьей груди... Или на попку... Классный вид – твои свежие следы на её аппетитных булочках и гибкой спинке!.. Что есть ласки и поцелуи твоей волосатой груди и красиво заросшего живота...

Обожди! В третьем классе у тебя ещё ничего заросшего нет, даже лобка!

Вот я и говорю: не хочу в третий класс!..

А как приятно, когда тебя берут за... М-да... И несравнимое чувство, когда ты даришь ей свои умелые поцелуи сосочков, животика и ниже!.. И попки! Всю покрыть её горячими поцелуями! Как всё это может быть улётно!..

А если ещё вспомнить, что у меня в трусиках школьника есть такой великолепный источник наслаждений как половой член и яйца!.. И если умело их поласкать, одновременно представляя себе эротические картинки – наяву, как можно ярче, – то получишь... О, хоссподи! Ежели всё это придумано всевышним, то он был достаточно похотливым и довольно прикольным, знал толк в наслаждениях! Но от сего родника я реально вкушу усладу лишь через полгода! Да, это будет в четвёртом классе после пионерского лагеря, в который я как раз поеду в то лето. И там, в ночной палате наш опытный товарищ поделится секретом, как можно доставить самому себе сказочные ощущения... Ну, почему такой опытный паренёк не встретился мне раньше? Сколько кайфа потеряно! Вот тот наш «учитель», например, познал сие на год прежде!

Мой дружок внизу, в комбезе тут же напомнил о том, что он у меня есть и не против даже сейчас!

«В этой жизни есть только три вида удовольствий – секс, секс и секс, — подумалось мне. — Впрочем, насчёт третьего я не уверен!..»

— Высота! Высота! Куда вниз полез? Займи 4000 метров! И крен держи 45, а не 43°!

— Понял!

Ну что, получил по самые не могу? А то потерял двадцать метров и не исправляешь, выдержишь эту высоту! А по крену чего гуляешь? Полагаешь, инструктор не видит? Ему в задней кабине делать нечего, вот он и фиксирует твои ошибки! И правильно делает! Надо пилотировать чище!

...А вы думаете, девчонки мальчиками не интересуются и тем, что у них в плавках? Ещё как! Помню, уже в шестом классе я с Сашкой Супруневичем с физкультуры проходил мимо девичьей раздевалки.

— Юра, подойди, что-то скажем!

Я – голубиное сердце, чистая душа, который от слова «ж*па» запросто может свалиться в обморок, – без задней мысли доверчиво подхожу, в своей простоте развешиваю уши. Они вдвоём меня за руки втаскивают в раздевалку, наполненную нашими бабами. Успеваю заметить перед собой Тарасенко, которая с наглой улыбочкой томно приподнимает себе платье, оголяет красивые бёдра и белые трусики, рельефно подчёркивающие лобок. Я ошалело смотрю во все глаза, ничего не соображая! Мой красавчик в трусах, как боевой конь, услышавший трубный клич, начинает «сглатывать слюнки», т.е. подёргиваться, и быстро поднимается. Каково? А эта стриптизёрша вдруг мгновенно тянет свою руку мне между ног и хватает за яйца. Не берёт, не ударяет, а именно хватает. Я отпрянул, но поздно – там вцепились намертво. Освобождаюсь от захватчицы... Свет мгновенно выключается, и я чувствую, как у меня в паху начинают шарить не одна, а множество рук, желая завладеть вожаделенными трофеями. А самые наглые даже пытаются проникнуть под ремень и залезть в трусы: спереди – чтобы, видимо, оценить х*й и помять переполненные юношеским секретом яички, сзади – взяться за мои покрытые уже волосиками голые булки! Моё боевое копьё от обстановки, от Нинки Тарасенко, виденных её бёдер и лобка через трусики со щелкой посередине и, тем более, почувствовав, уделённое ему повышенное внимание со стороны девичьих пальчиков, уже давно стало как каменный гость. Однако опасаясь, что мой перфоратор могут повредить, напряжинил пресс живота, не давая проникнуть непрошеным рукам в штаны, сгибаюсь пополам (чёрт с ними, с булками, они у них такие же, только белёсых волосков нет!). И пытаюсь вырваться, а потом выскочить из этой грёбаной женской раздевалки... А дверь подпёрта! Сволочь Супруневич извне не даёт мне её открыть! Предатель! Но тут в темноте я резко выпрямился, кого-то двинул затылком в лицо («Ой-ой!» — голос будто бы Тарасенко), кому-то рукой попал в челюсть («Ай! — вроде вскрикнула Алка. — Он, сволочь, дерётся!» — точно она!), чью-то руку, уже проникшую в трусы сзади и мявшую ягодицу, вырываю оттуда и заломил за кисть («Мамочки!» — эту я не опознал), вокруг меня сразу образовалась пустота (схватить меня за член, заполучив в глаз, никому больше не хочется) и я всё-таки выскочил злой, взъерошенный и со стоячим...

Говорю вам: дикие бабы скопом, да ещё в темноте – это страшная сила!

Вырвался я оттуда и, пока злость не прошла, не откладывая на потом, наkostenялся

Сашке – он тогда домой ушёл с разбитым носом... Да так, что на следующий день в класс прибежала его маман и начала требовать с меня ответа, за что разбили нос её сыночку! Он ведь такой милый, такой добрый!..

— Вот пусть ваш «милый», «добрый» сыночек и расскажет вам, за что он получил по морде! Поверьте, вполне заслуженно!

...О чём, скворец, ты мыслишь? Режим, режим! Держи режим, двоечник!

Теперь я девочек понимаю! Парни по углам их зажимают, щупают, а отчего им это не сделать, не пощупать, не узнать, что у эфебов там в трусах? Девчонкам тоже ведь интересно: в чём прелесть ребятам, что они это делают! Одной нельзя – неправильно поймут, могут потом и вдуть, а всем вместе, да ещё когда темно – никто ведь не скажет потом, что именно она там шарила, помыслят на других... Сейчас думаю: да и пусть девочки пощупали бы меня; объяснили б ситуацию, да я бы сам в темноте расстегнул брюки и приспустил себе трусы, лишь бы не сломали! Если б подошли соответствующие ассоциации, мог бы и кончить кому-то в руки, кой-кому, наверное, перепало б и на платье: в тринадцать лет, имея за плечами двухлетний опыт изощрённой, почти ежедневной мастурбации (а бывало и по несколько раз в день), я уже бил из члена своим тестостероном, как из брандспойта, мог забрызгать всё окрест! Вот бы кто-то из девочек вернулся домой, и родители обнаружили бы у неё на школьной форме следы подсохшей мальчишеской спермы... Интересно, что бы было, как бы эта девочка оправдывалась перед предками? Что на уроке биологии изучали тему «Осеменение»?..

Блеск! А ты, Юрий, оказывается, пакостник!

«Оказывается»? Ха! Не то слово! Не стану отпираться в дневнике – ещё и какой! Сами этого захотели: затащили меня, неопытного и наивного в раздевалку, уломали приспустить трусы, оголить половые органы, начали возбуждать меня своими руками – мяли член, схватили за... Да когда меня берут за яйца, я вообще прихожу на пик возбуждения! Кто ж такое выдержит?..

Я нагло ухмыляюсь в кислородную маску, попутно гоняясь за стрелкой вариометра, чтобы вернуть её на ноль... Наконец, мне это удаётся. На высотомере – ровно 4000 м, на КУС – 300 км/ч! Чётко! Видели бы меня сейчас мои бывшие одноклассники!

А вдруг какой-нибудь понравилось и мы с ней потом уединились бы ещё тогда, чтобы утолить любопытство друг друга. Поверьте, я бы своего шанса не упустил! В шестом классе трахаться мне уже хотелось, как волку, чтобы побыстрее стать мужчиной и узнать: что такое – переспать с девочкой! Онанизм – конечно, великолепно, но неплохо было бы опробовать половой акт в реале! Если от руки так приятно, можно только гадать, как сладостно должно быть с ней!
!..

Кстати, после случая в раздевалке по школе поползли слухи, что у меня для моего возраста изрядный, твёрдый и крупные ядра!

(«Только Тарасенко держала меня за яйца! Ну, Нинка, ну, болтливая псица! Как там, у Тургенева в «Муму»? «Собака оказалась сучкой»... Когда-нибудь засажу я тебе одним махом по самые «ни шагу назад!» – думаю, меч-кладенец к тому времени у меня ещё больше подрастёт! Чтобы ты аж пицала подо мной! И безжалостно залью твою пещерку своими соками! Уж будь уверена – сдерживаться или там спускать в сторону на постель не стану! И, клянусь, гондон тратить на тебя не буду! Так и уйдёшь от меня с моими живчиками у себя под шкуркой!..»)

Я всегда считал, что у меня обыкновенный! Можно подумать, что девицам в шестом классе было с чем сравнивать! У страха глаза на выкате. Но одно время, старшеклассницы, хихикая и показывая на меня глазами, перешёптывались, а их сверстники один на один со мной спрашивали: правда ли это? Кое-кто из ребят, краснея, в туалете просил показать. (Да, были и такие.) А один даже уговаривал дать мой сфоткать. (Мол, хочет подсунуть старшей сеструхе в учебник и посмеяться над ней! Почему-то свой он подсовывать не хочет, а нужно обязательно мой! Странно, с чего бы это?) Но я был категоричен! Чего я вдруг буду перед кем-то светить своими яйцами! Тем паче, у кого-то на глазах дрочить, чтобы он встал, и лишь для того, чтобы удовлетворить их любопытство! Пенис у меня хорошо торчит по утрам и когда представляю, что вставляю девчонкам и мастурбирую! (Какое же красивое словечко – «*мастурбация*»! А до чего ж приятное!) Как

ОН

у меня стоит, дёргается и спускает, и как при этом дёргаюсь я, сдерживаю стоны и кончаю – моя тайна, как и любого мужчины!

Сперва эти взгляды, усмешки и вопросы как-то напрягали, а потом даже гордость одолевать стала: я – уникам, и все это знают! Ну, почти все!.. Какие же молодцы наши девчонки, что заташили меня в тот день в раздевалку! Пять баллов тебе, Тарасенко! Но всё равно я тебе засажу и кончу в твою мохнатку! Во всяком случае, мне бы этого очень хотелось!

Однажды вслед за мной в туалете оказался десятиклассник, между прочим, отличник, тянувший на Золотую медаль, чей красивый портрет уже не один год красовался на Доске почёта школы. Я оправляюсь, а он вроде как пришёл сюда не по нужде. Или по нужде, но не по той, по которой все. Выхожу из своей кабинки, поправляя шортики. Тут он мне и говорит:

— Слышишь! Тебя Юра зовут? Поговаривают, у тебя толстенький и большой. Хотел бы увидеть такой и потрогать! Давай, я тебе подрочу! Это кейфово!

— Чего?.. Да пошёл ты!.. Обойдётся!.. Себе дрочи!..

— Ты просто не понял! Я ж хотел тебе приятно сделать! Только ты никому не говори!

— Ладно. Не скажу! А приятно себе я и сам могу сделать!

— Так ты дрочишь?

— А то! С детского сада! — начал заливать я. — И даже раньше!

— С детского сада? — ужаснулся отличник. — Раньше? Вот это да! Так ты ж ещё там маленький был!

— Это у тебя маленький был! Понял? А у меня с рождения – что надо! — я решил поддержать свой имидж раннего полового гиганта.

— Не верю! — решил схитрить отличник. — Покажи!

— Пошшёл, дебил!

За что тут же получил подзатыльник.

— Это тебе за дебила!

— Так! Все теперь узнают, как ты хотел мне подрочить!

— Я-те дам, узнают! Тебе не поверят про меня – раз. По морде получишь – два. И это будет сильно – три... Сомневаешься?

Отличничек показал мне кулак. А затем за шею притянул к себе и полез своей нахальной рукой мне в шорты. У меня там почему-то стало твердеть. Но было явно не до

ощущений. Я со всей силы ткнул его в пах, он ойкнул и согнулся, а я убежал...

— Ммм... Ах ты, сучонок! По яйцам... — донеслось из туалета сзади. — А у тебя и правда стрёмно... Вернись, я не буду...

— Ага! Щазззз! Дебил!

«Интересно, чего это ему захотелось мне подрочить? Я понимаю себе! Но другому парню? — размышлял я на уроке, а потом направляясь домой. А у самого в штанах торчит вовсю, даже на улице прикрываться портфелем пришлось, чтобы со стороны никто мой стояк не увидел. — И кой-кто просит посмотреть. Но зачем? Какая разница? Вот, допустим, я знаю, что у кого-то больше и толще... От этого мой писюн не уменьшится, не увеличится! Что, я буду всем хвастать, что видел очень большой? Или совсем маленький? Возможно, это женщинам и интересно – им принимать его в своё тело между ног, но мне-то что с того?.. Бред какой-то! Не понимаю!»

Ну и дома мне просто страшно захотелось... Хорошо представил свою месть Тарасенко... Разрядка была потрясающей...

...Виразижи открутили. Затем пошли спиральки с креном 45 – нисходящая с заданной «Вэ-игрик» 10 м/с до «Аш» 2000 метров...

Да. О чём только не вспомнишь, пилотируя на высоте...

Так, курсант Кручинин! Хватит воспоминаний. Внизу и так уже всё, как бамбук! Ещё немного и начнёт прорасти сквозь трусы и комбез. Занимайся пилотажем! Я, правда, крен уже не заваливаю... Больше внимания уделяю приборной скорости и вариометру... Высота меняется, поэтому высотомер пока – по боку! Лишь бы ниже 2000 м не проскочить... И мой экскурс в прошлое мне не помеха... Но всё-таки переключаюсь на пилотирование по приборам фундаментально.

АГД – вариометр – компас.

АГД – скорость – высота – АГД – ЭУП?

АГД – вариометр – курс – приборы контроля работы двигателя – топливомер.

Вариометр – АГД – скорость – высота – кислородная система – УВПД.

АГД – вертикальная.

АГД – скорость – высотомер – АГД – ЭУП.

АГД – высота...

А вот и 2000 м! Подвожу Эл к горизонту, крен 45 выдерживаю, жду команды.

— Восходящая <спираль> с вертикальной пять <метров в секунду> до четырёх <кэмэ>... — сказал мне в шлемофоне голос лётчика-инструктора.

— Понял...

Я как умный автопилот, понимающий человеческую речь: какие скажут параметры держать, такие и сохраняю.

...А на другой день Алку будто бы в отместку за меня (на самом деле тоже из любопытства) парни нашего класса заманили в гардеробную, везде распахнули и всем скопом хорошо помяли и пощупали, где надо. И даже свет не выключали! Верховодил Браховецкий. Мартынов, Стадченко также участвовали... И мои руки тоже ощутили всё и вся... Прелесть!.. Жаль, что у девочек только две грудки, а не как у Муму в два ряда! наших интересующихся рук было много больше, чем у неё, не знавших ещё мужской ласки, сосочков. И Аллочка согнулась, пытаюсь таким образом прикрыться от наших рук, а Сашка Гусенко, воспользовавшись тем, что Козленко была в позе глухой самообороны, резко стянул сзади с неё салатные трусики и его и моему взору открылись белизна девичьих булочек и невинные ещё (это точно!) половые губки. Конечно, я и Сашка...

Своими шаловливыми руками, мешая друг дружке... Алка тут же выпрямилась и обернулась на нас двоих. Но со зловещей улыбочкой пригрозила только мне:

— Ну, Кручинин, в следующий раз мы тебе его оторвём! И яйца тоже.

Попыталась натянуть трусики, но ей не дали. Множество мальчиговых рук спереди заставили её с криком: «Нет!» снова согнуться...

«Вот это да!» — подумали мы с Сашкой, почти всё рассмотрев.

Чёрте что! И почему это так приятно видеть и трогать? И тут...

— За скоростью кто будет следить? Только я? — лениво выражает недовольство Валерий Иванович.

Дьявол! На КУС – 280! И хотя эта неточность не выходит за оценку «отлично», добавляю оборотки. От этого стрелка вариометра качнулась, было, вверх, но я, отдав ручку управления чуток от себя, возвращаю её назад. Сохраняю вертикалку пять...

...И тут Гусенко с дикими глазами отодвигает меня, пристраивается пахом к попке и розовым лепесткам Козленко, берёт её руками за талию и, не снимая штанов, не оголяя гениталий, начинает делать фрикции своим бугром, будто он – паровой молот и вбивает куда-то сваи. Надолго его не хватило. После четырёх качков глазки его закатились, он закусил губу, а темп и сила движений тазом у него увеличились. Сашка застонал, было видно со стороны, как он дрожит всем телом... Судя по всему, где-то там, внизу, давление в корпусе парового молота зашкалило... И... то ли все сваи уже закончились, то ли «пар» весь вышел... Но Саня замер, с гримасой презрения (а, может, неудовольствия от ощущения своего мокрого белья) оттолкнул от себя, как ставшую ненужной игрушку, наклонённую буквой «зю» Алку, которую продолжали мять остальные, и шлёпнул её по голой заднице.

И вовремя! Восторги всех участников начали сходить на нет, когда услышали голос строгого завуча Григория Никифоровича, начавшего спускаться сверху по лестнице.

Наши захваты тут же ослабели. И Алка убежала, вся раскрасневшаяся, на ходу натягивая трусики и поправляя платье, с загадочной улыбкой Джоконды на челе. Мы привели себя в порядок, чтобы, значит, со стороны наши эрекции завуч или ещё кто не приметил... «И аз воздам»! Я был отомщён!.. А Гусенко не знал, куда деть свои глаза и что ему теперь делать. Не идти же с осквернённым на себе нижним бельём в класс! Однако перемена завершалась... Он посмотрел на меня, желая определить: понял ли я, что у него сейчас вышло?.. Увы! Тебе, Сашка, не повезло! Я понятливый!

...Ээй, умнейший автопилот! Крен держи, контроль за скоростью не упускай, сказали же! Да за высотой всё же посматривай! А то сейчас опять втык по СПУ получишь! Для регулировки! Чтобы, значит, точнее ты циферки выдерживал...

Плавненько набираем спиралькой высоту 4000 м... Сейчас пересекаем 3200. Ещё надо наскрести 800 метров...

У нас вертикальная скорость набора по вариометру 5 м/с, это значит, сто метров выходит за 20 секунд. А 800 м будет в восемь раз больше, т.е. 160 секунд. То бишь, 2 мин. 40 сек. Уже меньше. Через 2-30 высота будет четыре кэмэ! Прикольно! Включаю бег секундомера. Время есть, можно побездельничать, не ослабевая внимания за режимом полёта, разумеется.

...Я тихо спросил у Гусенко:

— Ты что, в трусы кончил с Алкой?

Незадачливый ёб*рь посмотрел на меня внимательно.

— Да ладно, не тушуйся! Я видел!

— Мгм... Слушай, кайф! Я ж не вставлял ей!.. Но как усладно! Эх, поиметь бы её по-настоящему!.. Юр, ты мне поможешь?

— Поиметь её по-настоящему? Ты чо? За кого ты меня держишь? Я сам хочу натянуть кого-нибудь по-настоящему!

— Привести себя в порядок, недоумок!

— Недоумок? Вот пусть «доумки» тебе и помогают! — шмыгнул я носом и собрался уйти вслед за всеми в класс.

— Извини. Я пошутил! Поможешь?

Мы поднялись на третий этаж в дальний туалет. И пока я был на стрёме и отгонял от сортира малышню, Сашка снял брюки, трусики и с голой задницей начал обмывать свои органы, густо заросший жёсткими волосами лобок, мошонку, а потом с брезгливостью на лице принялся стирать осквернённую своими живчиками труслиандию. Спустил он тогда всё-таки много. Наверное, на десяток детишек хватило бы!

Отжал. Встряхнул и собирается натянуть на себя.

— Саня, ты что, собираешься одевать трусы мокрыми? У тебя же всё выступит на брюках!

— А что делать?

— Одевай штаны на голое тело, так, без трусов. Кто там увидит? А их – в газетку и дома просушишь! — я показал на газету, лежащую на подоконнике.

— А! Точно!

Гусенко начинает одеваться. И вдруг, натянув брюки до середины бёдер, останавливается в задумчивости:

— Слыш, Юр, ты всё знаешь! А вот скажи: я кончил, от телодвижений с Алкой, не доставая свой х*й и не засаживая в неё! Но с ней! Без неё у меня бы так не получилось, сколько бы я своей ж*пой ни двигал. Как это считается – выеб*л я её всё-таки или нет?

Саня уставился на меня в ожидании ответа и даже не замечает, как его главный орган опять напрягся, подёргивается, а крайняя плоть чуть сдвигается и всё больше на тонком, но длинном члене оголяет влажную рельефную головку.

Показывая взглядом на его пик, снова готовую к бою, улыбаюсь:

— Смотри, ты сейчас опять своими зародышами изойдёшь! От одних только мыслей о Козленко!

— Вообще-то, я не против, — лыбится Сашка. — Ну так, как ты думаешь?

О, как ему хотелось получить от меня подтверждение, что он, наконец, стал мужиком. И что хоть кто-то это будет знать. Но я не умолим! Не то, чтобы мне жалко! Однако чего не было – того не было!

Хлопаю на него глазами:

— Чёрт его знает! Я думаю, что ты её поимел, но всё-таки не выеб*л! Она ж даже не в курсе, что доставила тебе удовольствие!..

Гусенко в задумчивости натягивает штаны и оценивает моё мнение по этой проблеме.

— ...Ты как всегда прав! Надеюсь, всё останется между нами?

Саша оделся, упаковал вскочивший ненароком агрегат, прикрыл его незаправленной в брюки рубашкой и мы пошли в класс на физику. Как раз звонок прозвучал...

...Так! На высотомере подходит высота 4000 м, да и по секундомеру время вышло. А ведь, получается, вариометр показывает точно! Приводим вертикальную к нулю... Нет,

по инерции у нас стало 4030. Потеряем эти лишние 30 метров и... Вот... И горизонт...
Жду команду...

— Нисходящая, пять-семь, со снижением до двух...

— Выполняю.

Прибираю обороты, перевожу Эл на снижение. А крен перекидываю на противоположный. Чтобы у «шефа» голова не закружилась от вращения в одну сторону.

— За скоростью следи. Не разгоняйся...

— Понял...

И ещё больше дросселирую двигатель.

Учимся летать и распределять внимание по приборам...

Урок в школе Папуа-Новая Гвинея. А вы говорите: школьная форма должна быть как можно проще!

Как жаль, что в моё время не было такой школьной формы у наших одноклассниц. Правда, шпаргалку будет прятать нелегко...

ВОЗДУШНЫЙ БОЙ КУРСАНТА 2ГО КУРСА ХВВАУЛ С АМЕРИКАНСКИМ СПУТНИКОМ-ШПИОНОМ

••>> Аллу Козленко я выеб*ал (а не поимел, как тогда Сашка; простите здесь за это слово!) в свой первый лейтенантский отпуск. Она уже была мамой двух замечательных детишек, один из которых поразительно смахивал на Сашку Гусенко. Аллочка расцвела, стала даже красивой. Однако большое количество бутылок из-под водки на кухне говорило о том, что здесь всё идёт по наклонной...

С Ниной Тарасенко я случайно встретился, когда был курсантом 3го курса. Случайно пошли к ней домой. Случайно её предков и брата не оказалось в тот вечер и в ту ночь дома. И я неслучайно, а с большим желанием отымел её по-полной. Чтобы не задавалась, сучка!

...Начал заливать про высотные затяжные прыжки с парашютом и про перехваты в стратосфере. Я был в ударе! На кону была нескучная ночь со своей бывшей одноклассницей, которую так умопомрачительно хотел в 6-9х классах! (10й класс я заканчивал в другой школе.) Потом с жаром рассказывал, как в паре с командиром экипажа полетел на перехват американского спутника-шпиона.

— Мы, лётчики-истребители, должны уметь перехватывать любого воздушного противника на любой высоте и в любых погодных условиях! — глядя в окошко горящими глазами, будто отсутствую в комнате, с пафосом говорил я, на диване обнимая Ниночку за плечи и прижимая её к себе. — Но у «шефа» отказало навигационное оборудование и он пошёл на вынужденную. И мне пришлось на перехват идти одному. Представляешь? А тот спутник-шпион прикрывал высотный истребитель. Стремительной атакой сверху со стороны солнца первой ракетой я сбил зазевавшегося американского пилота и его самолёт начал разваливаться в воздухе на горящие куски... Ха-ха! Не раскрывай варежку в нашем воздушном пространстве! Это тебе не Бродвей в США!..

— А куда он упал? — шепотом спросила Ниночка, слушавшая меня с широко раскрытыми глазами.

— Ммм?.. В Чёрное море!

— В Чёрное море... Но ведь Чёрное море так далеко от Харькова!

— Не отвлекайся, пожалуйста! У нас же огромная высота была! Я ж говорю: бой был в стратосфере, на жуткой высоте! Обломки могли упасть куда угодно, хоть в Америку! Там, на тех высотах, такие струйные течения ветров! Мы изучали это по метеорологии. Можно сказать, буря, смерч, ураган! Это же стра-то-сфе-ра!!!

— Конечно, конечно! — с придыханием шепчет Нина Тарасенко. — Я об этом читала...

Тут мне показалось, что я разоблачён и надо мной смеются. Но глаза, глаза!

— А дальше что? Рассказывай, Юр, рассказывай!..

Продолжаю повествовать о своей скромной героической службе!

— Спутник-шпион оказался новейшей разработкой американского ЦРУ, которым управлял быстродействующий робот. Потеряв ведомого, он начал со мной воздушное сражение, пытаюсь затянуть меня в бой на виражах, где он имел преимущество. Но не тут-то было! Я увлёк его в «карусель» — это мы так говорим! — на вертикалях! Где преимущество было у моего истребителя-перехватчика! Завязалась грандиозная воздушная битва!

И далее в красках рассказал и доходчиво показал на руках (используя только что прочитанную книгу Ивана Кожедуба), как я срывал шпионские атаки и как заходил ему в хвост...

— В хвост? — спросила шепотом Ниночка и тонкость её бровей дёрнулась вверх.

— ...Ну, это мы так говорим! На самом деле это были хвостовые антенны спутника-шпиона. Следи за моей мыслью! У меня уже кончились все ракеты и заканчивались снаряды. Не могу в него попасть и всё! Ты понимаешь? Такой маневренный спутник был, такой быстро соображающий компьютер сделали америкосы! А попробуй этот компьютер обмани — он думает в миллион раз быстрее людей! К тому же, робот ведь тоже по мне стреляет, не зевай! Приходится уворачиваться от его пушечных очередей! Нас специально этому обучали! И вот когда я, включив форсаж своего движка, на сверхзвуковой скорости в «мёртвой петле» устремился за ним, — вот-вот догоню и всажу в него наши замечательные советские снаряды, — чувствую: мне

чего-то не хватает! Не могу понять, чего!..

«Ёлки-моталки! Куда тебя занесло? А чего тебе не хватает в воздушном бою со спутником-шпионом? Ччччёрт! Истребитель, соображай быстрее!»

— И тут дошло! Мне дыхания не хватает! Глядь на манометр ИК-18 – давление в кислородной системе уже десять минут как на нуле! Я начинаю задыхаться! Открыть щиток гермошлема – не поможет: парциальное содержание кислорода в cabinном воздухе на той умопомрачительной высоте близко к нулю! Это же космос! Где там взяться кислороду?! А противник ещё не повержен! Жаль ведь расставаться с жизнью, когда нарушитель не уничтожен! Нина, что делать?

— Я не знаю, Юр, — не спуская с меня расширенных от страха глаз, прошептал мой школьный объект возжелений, ещё больше прижимаясь ко мне.

«Отменно, Нинок! Ты на моей волне!.. Господи! В школе ты, кажется, была поумнее! Или, может, это только так кажется?..»

— И я не знаю! Однако в самый последний момент, уже почти теряя сознание, задыхающийся, я вспомнил, что в парашюте есть запасной баллон кислорода, чтобы лётчик мог, катапультировавшись в стратосфере, дышать им. Мысленно благодарю конструктора Микояна за такую предусмотрительность, дёргаю за чеку...

В паузе я сделал пару глотков чая из чашки. Вроде, как волнуясь, припоминая. На самом деле сие лишь секундный тайм-аут, чтобы найти новые красочные слова для своего драматического повествования.

— И что? — в нетерпении узнать, что было дальше, тихо спрашивает Ниночка, ещё теснее ко мне прижимаясь, не замечая, что моя наглая рука уже снова ласкает внутреннюю сторону её нежных бёдер, подбираясь всё выше и выше, а у меня у самого в паху уже всё в натянутом состоянии, как сирийский лук перед спуском... стрелы. Кстати, свой напряг уже и не прикрываю!

— И я был спасён! Живительный кислород пошёл мне в гермошлем и стал разноситься кровью по всему организму! Но перегрузки растут. Противоперегрузочный костюм не помогает, в глазах всё меркнет! Это же «мёртвая петля»! Да ещё на страшной сверхзвуковой скорости! А я думаю о том, что так и не успел сказать самой красивой девушке на свете, как она хороша! Вспомнились школьные годы, твои прекрасные глаза! Неужели я не смогу защитить наш народ, тебя от нарушителя и дам ему уйти? Стараюсь поймать в прицел воздушного диверсанта. Но пока мне это не удаётся! Враг был опытен, хитёр и коварен! Что ты! Тогда я всё-таки переиграл управлявшего спутником-шпионом робота и, наконец, блестящим маневром «Правый краб» (это секретный маневр!) сбил этого негодяя буквально последними снарядами!..

— Тебя наградили?

— Знаешь... Мне с земли приказали принудить к посадке этот спутник на наш аэродром... Ну, чтобы достать всю его информацию... А я его сбил!

— Как это несправедливо! Ты так рисковал своей жизнью! — говорит Ниночка, не уклоняясь от моих поцелуев в шею.

— Это моя профессия – быть воздушным бойцом... защищать мирное небо над головами наших любимых!.. Я ведь – лётчик-истребитель, Ниночка! Мы перехватываем врага не за награды!

— А куда он упал? — тихонько спросило это сокровище в моих объятиях, подставляя свой ротик для сладкого поцелуя лётчика-перехватчика. — В Чёрное море?

А она целуется классно! Рука моя уже расстёгивает платице...

— В Тихий... океан... — прошептал я, ощущая её лёгкую дрожь.

— Такая у вас была большая высота?..

Я стягиваю с неё трусики... И она помогает мне... Отлично, Ниночка!

— Огром-ней-шая!.. — и приступаю к поцелуям всего и вся, одновременно расчехляю себя. — Если б ты только знала... какая жуткая... это была высь!.. На тех высотах... кровь закипает... в жилах... без скафандра... И мне... так не хватает там...

«Ого! Вот это у меня боевой взвод! Как бы раньше времени не кончить!»

— ...кислорода?..

— ...теплоты... твоей души... Ниночка!.. Если б ты только знала, как не доставало мне тебя все эти годы!..

«Между прочим, это правда!..» — успеваю подумать я между поцелуями.

Своими ласками опускаюсь всё ниже. Рассматриваю и ласкаю нежнейшую киску. Затем перехожу вверх, мягко укладываюсь в её объятия и... Чувствую её горячие пальчики у себя между половинок... О! Это что-то!.. И добавляю шепотом, глядя в широко раскрытые глазки:

— Через полчаса... всё было кончено!..

...Через полчаса после нашей встречи всё только начиналось! Но в ту секунду моя самонаводящаяся ракета уже устремилась между доверчиво распахнутых ножек, чтобы наконец-то поразить со школьных лет такую желанную цель...

Что это была за ночь!

И она стонала подо мной:

— О, перехватчик!.. О, мой парашютист!.. О, ракетчик!

«Так! Перехватчик – это я! Парашютист – тоже можно отнести в мой адрес! Но кто такой ракетчик?!»

Нина, к счастью, к этому времени была уже не целкой. Очень любила, чтобы её брали, когда она забросит парню свои чудесные ножки ему (мне) на плечи и в такой позе её дерут что есть мочи, со всей пролетарской ненавистью, как я и обещал себе – по помидорки. Умело делала минеты. (Спросила: помню ли я случай в раздевалке? А сама перебирает яйки, взвешивает вес, слегка сдавливают их. И я уже не противлюсь этому... Призналась, что после того случая, когда меня все пытались ощупать, а ей с самого начала удалось взять меня за причиндалы, что-то у неё внутри сдвинулось, и с тех пор крупные пенис и яички мужчин – её слабость. Ещё успеваю поразмыслить: «Почему мужчин? Можно подумать, что они есть у женщин! Ага! Значит, тогда тебе этого тоже хотелось?!») И было такое впечатление, что в мой расчудесный орган, в мой крупняк в мошонке Нинок была просто влюблена – как она их ласкала, водила стволком по соскам, щекам, губам, тонкой шейке, подсасывала ядрышки по одному, которые едва входили в её небольшой ротик, даже было немного больно, когда она их туда запихивала. Но как только оно оказывалось там... Боги вы мои!.. И снова бег язычком по живой, окаменевшей твёрдости... Когда же я не выдержал, предупредил, что кончаю, Ниночка не только не остановилась, а прибавила темп, полностью заглотила моё чудовище и во все глаза смотрела, будто враг, притаившийся за бруствером окопа, как я со стоном и лёгкими вскриками продолжительно извиваюсь под её руками, губами и ртом и эякулирую ей в гланды. Я же был ошеломлён

таким поведением, такой развязкой, отчего мои ощущения просто зашкалило!

Никогда до этого я не ощущал свой член и яички настолько любимыми женщиной, как в

ту ночь!

Говорю вам: попробуйте

это

хоть раз и вы поймёте весь примитивизм простого перепахона!

Перед расставанием мы стоим перед дверью: я – полностью одетый, она – голенькая, такая стройненькая, с не одной порцией моего юношеского долженствования у себя под шкуркой. И мои неутомимые губы блуждают по этому красивом личику, а несдержанные руки – далее везде.

— Юрчик, приходи, я буду тебя ждать!

А я уже целуюсь хорошо расслабленный всей нашей ночью, совершенно пустой:

— Конечно, приду!

«Раньше надо было меня арканить своими прелестями! Когда мне страшно этого хотелось, а было не с кем!»

А сам раздумываю: может, подарить её нам, с Димой для групповых утех? Сразу видно: этой сучке понравилось бы!.. Небось, жалеет уже, что не начала отдаваться, лет с четырнадцати?..

Ах, Нина! И чего мы не стали близки ещё в школе! Чего бы я только не разрешил тебе делать с моими главорганами! А чтобы с тобой выделявал я!..

«А кому же досталась её невинность? Кто вкусил от её источника наслаждения первый? И как сие таинство произошло?» — думал я, спускаясь по лестнице.

И так меня любопытство забрало, что хоть бегом возвращайся и спрашивай бывшую одноклассницу между поцелуями.

«Ладно! В следующий раз осторожно расспрошу её об этом!» — решил я тогда.

Интересно же! <<••

Вдогонку:

••>> — Ну что? Получили удовольствие? Из худ. к/ф-ма «Прости нас, мачеха-Россия»

••>> — *Смышлёная сука!..*

□□□□□ — *Простите, что?*

□□□□□ — *Я говорю, умная вы девушка! Из диалогов на улице*

••>> — *А секс? До того, как его запретили?*

□□□□□ — *Этим все занимались! Мы влюблялись, наслаждались!*

Из америк. худ. к/ф-ма «Господин “Никто”»

••>> — О чём Андрео думает, когда играет в футбол? А когда дронит, о чём он думает?

Из англо-аргент. худ. к/ф-ма «Клей»

••>> — *У нас был секс?*

□□□□□ — *Нет... Но хочется!*

Из худ. к/ф-ма «50 первых поцелуев»

[REDACTED]

[REDACTED]

